

Роскошь, деньги и банкеты

Документы партконтроля
о фигурантах «ленинградского дела»

© Сушков А. В.

© Sushkov A.

**Роскошь, деньги и банкеты. Документы партконтроля
о фигурантах «ленинградского дела»**

**Luxury, money and banquets. Party control documents
about the persons involved in the “Leningrad affair”**

Аннотация. Рассмотрены некоторые обвинения, предъявленные основным фигурантам так называемого «ленинградского дела». Показаны многочисленные факты использования ими служебного положения в личных целях. Обосновано, что пресыщенная жизнь высшего ленинградского начальства, материальное обогащение за государственный счет на фоне ужасающей ленинградской повседневности могли стать дополнительным фактором в принятии решения о жестком наказании фигурантов «ленинградского дела».

Annotation. Article discusses some of the charges against the main persons involved in the so-called “Leningrad affair”. Thus, officials of financial bodies, institutions of party and state control and other party and state authorities have revealed numerous facts of the use of official positions by the members of the Leningrad authorities for personal purposes. This satiated life of the higher Leningrad bosses, material enrichment at the state expense against the backdrop of the horrendous Leningrad daily routine, were able to become an additional factor in the decision to severely punish the defendants of the “Leningrad affair”.

Ключевые слова. «Ленинградское дело», партийно-государственная система власти, период «позднего сталинизма», коррупция, управленческие практики.

Key words. “Leningrad affair”, party and state system of the power, “late stalinism” period, corruption, administrative practices.

1

Использование служебного положения в личных целях стало одним из обвинений, выдвинутых против фигурантов «ленинградского дела» — одного из крупных политических дел «периода позднего сталинизма». По итогам проверок, проведенных в 1949—1952 гг. Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б), бывшим ленинградским руководителям были предъявлены обвинения в незаконном приобретении для личного пользования предметов роскоши, включая ювелирные изделия и дорогостоящую старинную мебель, в получении с подведомственных предприятий и учреждений денежных средств, незаконном расходовании государственных средств на устройство банкетов, в воспрепятствовании осуществлению правосудия и т. п.

В ходе проверки заявления о неправильных действиях руководителей Ленинградского городского и областного коммунального банка было установлено, что управляющий банком В. А. Прянников «допустил многочисленные факты незаконного финансирования и неправильной оплаты чеков и поручений, тем самым способствовал бывшим руководителям Ленгорсовета расхищать и разбазаривать государственные средства». Банк беспрепятственно и бесконтрольно оплачивал счета и поручения, предъявляемые общим отделом горсовета, в результате чего в течение длительного времени, в 1941—1947 гг., имело место незаконное расходование средств. По подсчетам проверяющих, всего было израсходовано свыше 1 млн рублей, выделенных правительством на строго целевое назначение. Выяснилось, что эти денежные средства расходовались «на оплату изделий из золота и серебра, предметов роскоши и бытовой мебели для бывших руководящих работников горсовета». Как правило, ценности приобретались горсоветом и оплачивались банком в последние дни финансового (бюджетного) года, чтобы сократить остатки бюджетных средств, которые подлежали сдаче государству.

«Например, 30 декабря 1942 года незаконно уплачено Ленкупторгу по счету № 129 за кабинет красного дерева из 11 предметов 29 400 рублей, — докладывал ответственный контролер цековской КПК В. Синельщиков заместителю председателя КПК М. Ф. Шкирятову. — В этот же день коммунальный банк оплатил за кровать, буфет и другие бытовые предметы 12 950 рублей.

...С 30 ноября по 25 декабря 1943 года горсоветом было закуплено в комиссионных магазинах различных бытовых вещей и предметов роскоши на общую сумму 305 877 рублей, в том числе гостиная розового дерева стоимостью 16 500 руб., спальный гарнитур — 35 500 руб., спальный гарнитур — 21 000 руб., чайный сервиз — 7000 руб. и т. д.» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 154. Л. 62—63].

Оплата была произведена коммунальным банком из средств, выделенных правительством на охрану Смольного [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 154. Л. 65]. Списывались денежные средства и с других статей бюджетных расходов. «Незаконная оплата дорогостоящей бытовой мебели и предметов роскоши, покупаемых для бывших руководителей горсовета, производилась коммунальным банком по разрешению т. Прянникова и его заместителя также и из ассигнований, предназначенных на восстановление и оборудование бывшего Мариинского дворца (здание горсовета), — докладывал В. Синельщиков. — В декабре 1944 года по распоряжению управляющего банком был оплачен счет № 1112 на сумму 76 314 руб., из них за кабинетный гарнитур 48 314 руб., за два чайных сервиза 28 000 руб. Для бывшего председателя горсовета (имеется в виду Петр Сергеевич Попков. — А. С.) магазин ювелирторга закупил у частного лица 12 предметов старинной бытовой мебели за 38 335 руб. 21 июня 1945 года комбанк оплатил стоимость этой мебели. Всего незаконно израсходовано средств из ассигнований на восстановление бывшего Мариинского дворца свыше 500 000 руб. Кроме того, в 1945 году было оплачено коммунальным банком из средств, отпущенных на восстановительные работы, трофейное имущество на сумму 338 038 руб.,

большая часть которого расхищена и разбазарена» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 154. Л. 63].

Что подразумевалось под предметами роскоши, можно узнать из материалов ревизии, проведенной Министерством финансов СССР в 1949 г. В отчете о работе аппарата главного контролера-ревизора контрольно-ревизионного управления по РСФСР говорилось, что бывшее руководство Ленинградского горисполкома израсходовало 1 388 000 рублей на приобретение дорогостоящих предметов роскоши — золотых часов и браслетов, гарнитуров мебели, ковров, картин и т. д., которые в качестве подарков были розданы узкому кругу лиц [2. С. 178—179].

О трофейном имуществе, за которое Ленинградский горисполком заплатил 338 тыс. рублей, вероятно, говорится в обвинительном заключении против главных фигурантов «ленинградского дела». Как указывалось в заключении, П. С. Попков и А. А. Кузнецов за государственный счет «задабривали» верных и угодных им работников ленинградской парторганизации вещевыми и продуктовыми посылками, а в 1945 г. направили в Германию заместителя председателя Ленинградского горплана Зиновьева для приобретения там ценного имущества. В итоге Зиновьев доставил в Ленинград 14 вагонов различного имущества, которое было поделено между ленинградскими руководящими работниками [1. С. 1011].

Из документов партийного контроля следует, что обвинения в присвоении трофейного имущества были предъявлены также другим фигурантам «ленинградского дела». В частности, А. Д. Вербицкому и Н. К. Смирнову — бывшим членам Военного совета Балтийского флота, после этого занимавшим важные партийные должности. «Являясь членом Военного совета Балтфлота (с VI.1941 г. по VII.1945 г.), своим недостойным поведением компрометировал политические органы и Ленинградский горком партии, пославший его на этот пост, — указывал ответственный контролер КПК при ЦК ВКП(б) Колесников в справке о А. Д. Вербицком. — На кораблях и в соединениях флота не бывал, политическую работу не вел, в период наступательных действий Советской Армии разъезжал по занятой нашими войсками территории противника и занимался мародерством. В целях личного обогащения подобрал для руководства командой по сбору трофейного имущества не внушающих доверия Хайкина и Рейзина, которым дал большие полномочия от имени Военного совета флота. С помощью Хайкина и Рейзина в апреле 1945 г. (месяц указан неверно, в других документах — июнь 1945 г. — А. С.) в порту Свинемюнде нагрузил баржу трофейного имущества и, не взяв это имущество на учет, отправил его для себя и других членов Военсовета в Ленинград. Кроме того, доставлял себе трофейное имущество из Германии на попутных транспортах, а также незаконно взял себе две легковые автомашины. За расхищение трофейного имущества Хайкин и Рейзин были осуждены военным трибуналом, но после его (Вербицкого. — А. С.) незаконного вмешательства были освобождены от наказания. Во время пребывания во флоте как член бюро Ленинградского горкома партии принимал участие в проводимых быв[шим] руководством горкома и обкома пьянках и банкетах. Подхалимничал и угодничал перед Кузнецовым А. А., за что после освобождения из флота был взят на работу в качестве третьего секретаря горкома партии» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1521. Л. 148—149].

Подобные же обвинения были предъявлены другому члену Военного совета — Н. К. Смирнову. Как установили сотрудники партконтроля, в июне 1945 г. на складе трофейного имущества в Свинемюнде Смирнов взял себе 6 ковров, 3 велосипеда, 6 картин, несколько (4 или 6 штук) радиоприемников и другие вещи (сам Смирнов признал, что взял себе лишь 2 ковра, 2 велосипеда, набор столярного инструмента и вывез их на грузовой машине). Смирнову же, наряду с Вербицким и командующим флотом В. Ф. Трибуцем, предназначалось трофейное имущество, погруженное в том же месяце в порту Свинемюнде на баржу и отправленное в Ленинград [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 56].

Но еще в годы войны Смирнов, как и главное ленинградское начальство, был весьма озабочен собственным материальным благополучием. По неполным данным, в 1944—1945 гг. на ремонт квартир и дач Смирнова, Вербицкого и Трибуца в городах Таллине и Ленинграде было израсходовано около 150 тыс. рублей. К ремонтным работам на квартирах и дачах были привлечены военнослужащие, которые отработали в общей сложности 4920 рабочих дней. В частности, на ремонт ленинградской квартиры Смирнова было израсходовано 12 тыс. рублей, а бойцами 78-й самолетно-ремонтной базы было отработано 120 рабочих дней. В 1944 г. квартирно-эксплуатационный отдел флота закупил для Смирнова в комиссионных магазинах Ленинграда «стильную» дорогостоящую мебель. На мебель потратили чуть более 100 тыс. рублей и по финансовым документам провели ее как казарменное оборудование. Числилось это «оборудование» за штабом Балтийского флота. Несмотря на это, Смирнов при увольнении с флота один гарнитур из красного дерева продал комиссионному магазину, расположенному в Ленинграде на улице Герцена, выручив за него 35 тыс. рублей [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 55].

Действия Н. К. Смирнова и А. Д. Вербицкого не остались незамеченными. В частности, начальник политуправления Балтийского флота Н. А. Торик в июле 1945 г. отправил соответствующее донесение в политуправление ВМФ. В нем среди прочего говорилось: «Серьезным недостатком в политико-моральном состоянии части личного состава КБФ являлись возмутительные факты “барахольства”, особенно со стороны некоторых командиров частей, соединений и даже политработников... Основной причиной того, что “барахольство” приняло на КБФ такие размеры, явилось личное участие в этих делах бывш[его] члена Военсовета Смирнова, нынешнего второго члена Военсовета Вербицкого» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 56].

Подобные заявления поступали и персонально на Вербицкого, где говорилось что он «мародер» и «разложившийся человек», «нечестными поступками скомпрометировавший себя во флоте» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1521. Л. 149]. Однако проверки по этим заявлениям, даже если предпринимались, не влекли за собой какие-либо серьезные оргвыводы.

Дело в том, что и Смирнов, и Вербицкий во второй половине 1945 г. были переведены на руководящую работу во властные структуры. Так, Н. К. Смирнов получил кресло второго секретаря Пензенского горкома ВКП(б). Ему удалось быстро освоиться в Пензе: вместе с первыми лицами города и области, директорами заводов участвовал в пьянках, в том

числе устраивал застолья у себя на квартире. Все так же усердно обустроивал свой быт за государственный счет, но при этом не забывал одаривать начальство. Создал в горкоме партии «особые фонды» из образцов продукции, выпускаемой предприятиями Пензы, которые потом преподносил нужным людям из вышестоящих организаций [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 57—59]. Поэтому неудивительно, что имевшемуся на Смирнова компромату партийные инстанции не дали зеленый свет.

А. Д. Вербицкий же занял кабинет третьего секретаря Ленинградского горкома ВКП(б). Заявления о проступках Вербицкого оседали в Смольном, тоже не имея каких-либо серьезных последствий для обвиняемого. Одно из таких заявлений «хозяин» Смольного А. А. Кузнецов передал в руки самому Вербицкому. Последний вызвал к себе автора заявления — начальника политотдела Кронштадтского морского оборонительного района Балтийского флота Г. Ф. Быстрикова — и устроил ему разнос, предупредив, чтобы тот больше подобных заявлений не писал [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1521. Л. 149].

Судя по документам, А. А. Кузнецов покровительствовал Вербицкому и во время войны, и после нее. По заявлению Смирнова на имя Г. М. Маленкова, Вербицкий в годы войны презентовал себя как представителя Ленинградского горкома ВКП(б) на флоте, подчеркивал, что его назначила не Москва, а Ленинградский горком. «С переходом штаба флота в Ленинград Вербицкий большую часть времени находился в Смольном, в горкоме, — писал Смирнов. — Из Смольного он приезжал с кучей свежих анекдотов, рассказывал о своих приятельских отношениях с Капустиным, Соловьевым, Штыковым и при всяком удобном случае восторгался Кузнецовым, старался подчеркнуть его большую роль в обороне Ленинграда, его огромный авторитет в ленинградской организации и свою близость к Кузнецову... Горкомовские новости Вербицкий обычно рассказывал либо за обедом, либо в кабинете командующего флотом адмирала т. Трибуц, который неоднократно жаловался, что своими рассказами Вербицкий мешает ему работать. Однажды между анекдотами Вербицкий заявил, что, вероятно, Ленинград сделают столицей РСФСР (это было, если не ошибаюсь, после прорыва блокады Ленинграда). Мотивировал он это свое заявление тем, что в Москве очень тесно, а в Ленинграде много подходящих помещений. Тогда я не придал этому заявлению никакого значения, считая это очередной несерьезной болтовней Вербицкого... Из Смольного Вербицкий нередко приезжал пьяным. Возможность выпить в столовой, где питались секретари горкома, была полная. Будучи два раза приглашенным обедать в эту столовую, я видел там неограниченное количество спиртных напитков» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 60—61].

Смирнов сообщал, что знал А. А. Кузнецова как человека с большим самомнением, как «любителя подхалимажа», и что Вербицкий «плотно втерся к нему в доверие». В качестве примера привел то, что весной 1945 г. в кабинете Трибуца Вербицкий предложил по примеру военных советов армий Ленинградского фронта, которые «делают крупные подарки Ленинградскому горкому из трофейного имущества», тоже преподнести горкому подобный подарок. По словам Смирнова, предло-

жение Вербицкого они с Трибуцем тогда не поддержали. До Смирнова доходила информация, что Вербицкий якобы самостоятельно собрал такой «подарок» из трофеев и отправил его баржей, — правда, насколько соответствовали эти сведения действительности, он не знал [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 62].

Кроме того, в заявлении на имя Г. М. Маленкова Смирнов поведал о некоторых подробностях из повседневной жизни Смольного в трудные военные годы. Смирнову многое довелось наблюдать непосредственно как участнику официальных мероприятий, а какие-то детали ему стали известны из рассказов того же А. Д. Вербицкого.

«По многим поводам устраивались вечера с изобилием спиртных напитков, — писал Смирнов. — Некоторые из них носили массовый характер. На них присутствовали секретари райкомов ВКП(б) и многие из городского партийного актива. Поднимались многочисленные тосты за Кузнецова, за Попкова, за Капустина, все они с подострастием назывались по имени и отчеству, а общий тон таких вечеров всегда отличался особым подострастием к Кузнецову. Председательствовал в подобных случаях Попков, он “штрафовал” большой рюмкой того, кто пьет мало, и “поощрял” тоже большой рюмкой того, кто пьет много. Неоднократно устраивались более узкие вечера на одной из горкомовских дач. В праздничные дни (Первое Мая, Годовщина Октября) на этих официальных вечерах я присутствовал несколько раз как член Военного совета Балтийского флота. Участниками этих вечеров являлись секретари горкома и обкома ВКП(б), Военные советы Ленинградского фронта и Балтийского флота, начальники МГБ и МВД, начальник милиции. Здесь также неоднократно поднимались тосты за Кузнецова. Пожалуй, самым изобретательным по части подобных тостов был Вербицкий. Он предлагал тосты: “За руководителя ленинградских большевиков А. А. Кузнецова”, “За члена Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецова”, “За члена ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова”, “За старшего среди равных (имея в виду секретарей горкома) А. А. Кузнецова” и т. п. Значительно чаще, по словам Вербицкого, секретари горкома собирались на даче одни, выпивали, играли на бильярде. Постоянно присутствовал на таких сборах нач[альник] МГБ Кубаткин, был несколько раз командующий флотом т. Трибуц как член бюро горкома. Я на подобные семейные сборы не приглашался, т. к. к работе горкома не имел отношения. В Ленинграде, поскольку мне известно, по крайней мере, до прорыва блокады систематические выпивки не только не изгонялись, но, пожалуй, даже поощрялись. Они имели место и в армиях Ленинградского фронта, и во флоте, за что я как член Военного совета КБФ несу ответственность» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 62—63].

Застолья ленинградского начальства дорого обходились государственному карману. «На устройство банкетов для узкого круга лиц из числа городского партийного и советского актива с 1943 по 1948 гг. незаконно было израсходовано 839 161 руб., в том числе 118 699 руб. на спиртные напитки, — говорилось в служебной записке, составленной по итогам совместной проверки КПК при ЦК ВКП(б) и Министерства госконтроля СССР. — На бесплатное угощение руководящих работников в праздничные

дни на трибунах, стадионах и в других местах с 1942 г. по 1947 г. израсходовано 431 529 руб., из них 143 833 руб. на спиртные напитки» [3. С. 65].

Не только бюджетные средства Ленинградского горсовета являлись источником финансирования застолий, — под разными предложениями проводились поборы с руководителей предприятий. Только после избрания А. А. Кузнецова и П. С. Попкова депутатами Верховного Совета СССР в 1946 г. с руководителей предприятий Ленинграда было собрано около 300—400 тыс. рублей, которые пошли на организацию банкетов [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 99—101].

2

Руководители ленинградского комсомола копировали модель поведения местного партийного и исполкомовского начальства, и впоследствии их действия также стали предметом разбирательств в органах партконтроля. «Бывшее руководство Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ во главе с Ивановым В. Н. и Чернецовым В. И. разлагали комсомольский актив путем организации систематических попок за счет государственных средств, — говорилось в записке сотрудников партконтроля на имя М. Ф. Шкирятова. — Насаждали чуждые большевизму нравы, подхалимство, угодничество, незаконно расходовали огромные средства на покупку и преподношение подарков» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1840. Л. 22].

Бывшим секретарям обкома и горкома комсомола были предъявлены обвинения в организации банкета в 1942 г. (как подчеркивалось в записке, «в тяжелые дни блокады Ленинграда»). Поводом послужила годовщина шефства комсомола над Военно-морским флотом. Банкет был устроен по завершении официальной части, «для узкого круга лиц». Присутствовавшие на этом вечере секретарь Ленинского райкома ВКП(б) Григорьев и заведующий военным отделом горкома ВКП(б) Павлов, напившись, принялись хулиганить [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1840. Л. 22, 25].

В ноябре 1943 г. В. Н. Иванов и А. А. Кузнецов организовали для комсомольского и партийного начальства празднование 25-летия комсомола. Местом проведения мероприятий был выбран дом отдыха «Кавголово». Банкет длился три дня. На нем присутствовали председатель горисполкома П. С. Попков, секретарь горкома партии Я. Ф. Капустин и другие руководители [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1840. Л. 22, 25—26].

Как установили проверяющие, бывшие секретари обкома и горкома ВЛКСМ устраивали вечера с обильными алкогольными возлияниями как в здании обкома и горкома ВЛКСМ, так и во Дворце пионеров, а также на квартирах секретарей и заведующих отделами, включая квартиры В. Н. Иванова и В. И. Чернецова [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1840. Л. 22, 26].

«Бывшее руководство обкома и горкома комсомола незаконно расходовало огромные комсомольские и партийные средства на преподношение подарков и на самопремирование, — сообщалось в записке на имя М. Ф. Шкирятова. — В 1943 году на преподношение подарков бывшим секретарям обкома и горкома ВЛКСМ было израсходовано 32 000 рублей комсомольских средств. Иванову В. Н. были преподнесены часы “Минин и Пожарский”, коробка из слоновой кости; Чернецову — письменный при-

бор стоимостью 2800 рублей, Воронину — радиоприемник, Попова (Прохорова) получила подарок — мозаичную шкатулку стоимостью 1325 рублей. В порядке подхалимства горком комсомола преподнес Попкову П. С. бронзовую фигуру “Похищение невесты”, Кузнецову А. А. — бюст Суворова с надписью... Подарки за счет комсомольских средств преподносились не только секретарям обкома и горкома ВЛКСМ, но и их женам (дамские сумочки, папки-портфели и т. д.)» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1840. Л. 26].

По приблизительным подсчетам, руководство Ленинградского горкома ВЛКСМ в течение 1942—1943 гг. израсходовало только на застолья («на выпивки и различного рода вечеринки») 42,9 тыс. рублей. Всего же за эти два года работниками обкома и горкома ВЛКСМ было «разбазарено государственных средств» в сумме 250 тыс. рублей. По данным ревизии, проведенной Ленинградским обкомом ВКП(б), в 1944—1947 гг. на банкеты, вечера, встречи и другие застолья, а также на подарки и премии ленинградским комсомольским начальством было израсходовано около 600 тыс. рублей [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1840. Л. 19, 29]. Все эти расходы были незаконными, сверхлимитными, т. е. производились помимо тех сумм, которые в официальном порядке выделялись на материально-бытовое обеспечение руководящих комсомольских работников, на административные расходы и т. п.

Источники финансирования, за счет которых организовывались застолья, а также выплачивались премии и приобретались подарки, были разнообразными и не ограничивались исключительно комсомольским бюджетом. «В... 1943—1946 гг. ЦК ВЛКСМ и министерства Союза ССР в разное время перевели Ленинградскому обкому и горкому ВЛКСМ 486 тыс. рублей на премирование участников социалистического соревнования комсомольско-молодежных бригад за сбор металлолома и за участие пионеров и школьников города и области в сельскохозяйственных работах, — говорилось в записке на имя М. Ф. Шкирятова. — Иванов, например, из этих денег получил 3500 руб. — премию за сбор металлолома, Попова (Прохорова) — 2,5 тыс. руб., Чернецов — 2 тыс. руб. За счет этих же средств секретари горкома бесплатно снабжались водкой и папиросами. В 1944—1945 гг. секретарям горкома и обкома ВЛКСМ было выдано бесплатно сухих пайков на 24 тыс. руб., в том числе водки на 6185 руб. За это же время было незаконно израсходовано на папиросы для секретарей горкома и обкома ВЛКСМ 33900 р.» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1840. Л. 27].

Заместитель председателя цеховской комиссии партконтроля М. Ф. Шкирятов в записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова указал на еще один использовавшийся ресурс: «Бывшие комсомольские руководители без всякого учета расходовали на вечера и выдачу отдельным лицам поступавшие в обком комсомола продукты и товары, предназначенные для детских учреждений г. Ленинграда» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1840. Л. 19].

3

Как свидетельствуют документы партийного контроля, желающих проявить «политическую бдительность» и поставить в известность

вышестоящие инстанции о нарушениях руководителями ленинградских властных структур законности было не так много. Исполнители за молчание получали свой кусок с барского стола, некоторые шли на повышение по службе. Они прекрасно понимали, что их материальное благополучие целиком зависит от расположенности «хозяев» Смольного.

А. А. Кузнецов рассказывал приближенным о своих встречах со Сталиным, тех или иных высказываниях вождя. Информация эта распространялась по Ленинграду, что придавало дополнительный авторитет Кузнецову, формируя представление о нем как весьма влиятельной политической фигуре союзного масштаба. «...До прорыва блокады генералы Ленинградского фронта боялись Кузнецова больше, чем командующего фронтом», — писал в заявлении на имя Г. М. Маленкова бывший член Военного совета Балтийского флота Н. К. Смирнов. И даже нарком Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов, со слов того же Смирнова, стремился не портить отношений с ленинградским секретарем Кузнецовым [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 139. Л. 61—62, 64].

Свидетельства Н. К. Смирнова подтверждаются материалами разбирательства в КПК при ЦК ВКП(б) инцидента, имевшего место в октябре 1944 г. Будучи одновременно членом Военного совета Ленинградского фронта, А. А. Кузнецов приказал начальнику отдела кадров фронта генерал-майору А. Ф. Смирнову отобрать орден Красного Знамени у подполковника И. К. Борщенко. Секретарь Военного совета Ленинградского фронта Борщенко в числе других офицеров был награжден орденом приказом командующего фронтом маршала Л. А. Говорова. Смирнов не посмел ослушаться Кузнецова и в нарушение действующего порядка лишения орденов изъял у Борщенко орден и временное удостоверение к нему [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 1519. Л. 39—40].

«Будучи в Ленинграде, Кузнецов чувствовал себя вождем, — говорил с трибуны пленума обкома и горкома в феврале 1949 г. зав. отделом Ленинградского горкома ВКП(б) А. Ф. Павлов. — Больше того, перейдя на работу в аппарат Центрального комитета, он вообразил себя вождем чуть ли не всей партии. В Ленинграде перед Кузнецовым все преклонялись, в том числе и я, и многие присутствующие». «Это царь и бог Ленинграда, — говорил о Кузнецове секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Г. Г. Воротов. — Все, кто поперечил ему, немедленно слетали с поста, независимо, какой чин» [З. С. 42].

Поэтому неудивительно, что «ленинградским вождям» удалось достаточно быстро подмять под себя нового прокурора города А. С. Неганова, назначенного на эту должность в 1946 г. Как следует из документов партконтроля, прокурор города являлся послушным исполнителем даже тех указаний из Смольного и Мариинского дворца, которые выходили за рамки законности.

Уже летом 1946 г. с согласия Неганова было прекращено уголовное дело по обвинению работников автотранспортного управления Ленинградского горисполкома Афанасьева и Забурнягина, обвиняемых в «расхищении» трофейного имущества. Как следовало из материалов этого дела, главными виновниками хищений большого количества трофейного имущества являлись заместитель председателя горисполкома Реш-

кин, начальник автотранспортного управления Клименко и главный инженер Павловский. Позднее у Неганова оказались материалы о «разбазаривании» В. М. Решкиным легковых автомобилей, однако открывать уголовное дело прокурор не стал [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 195. Л. 35—36].

Тем же летом 1946 г. Неганов по указанию из Смольного прекратил уголовное дело, фигурантами которого являлись бывший заместитель управляющего делами ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Ф. М. Широков и директор швейной фабрики Злобин. Оба обвинялись в «расхищении» промтоваров на сумму без малого 60 тыс. рублей и в составлении фиктивных документов на 70 тыс. рублей в целях покрытия недостачи. Тормозил Неганов и расследование по делу о хищениях материальных ценностей на 750 тыс. рублей в ленинградской артели «Ленмехпром». Следователи установили, что с председателем артели Алексашенковой был тесно связан ряд партийных и исполкомовских работников. В том числе услугами этой артели пользовались первый секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б) г. Ленинграда Т. В. Закржевская и третий секретарь этого райкома Глазунов. Прокурор города не разрешил следователю прокуратуры Переплавникову допрашивать работников партийных и советских организаций, проходивших по делу, и предоставил фигуранту дела Глазунову возможность ознакомиться со всеми следственными материалами [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 195. Л. 36—37, 40—41].

В 1948 г. Неганов пытался «спустить на тормозах» дело о злоупотреблениях работников здравницы совпартактива при Ленинградском горздравотделе (поселок Куоккала). В ходе следствия выяснилось, что секретарь горисполкома А. А. Бубнов распорядился израсходовать из средств здравницы 54 тыс. рублей, которые пошли на содержание незаконно организованного охотничьего хозяйства, обслуживавшего главное ленинградское начальство. Неганов запретил проводить следственные мероприятия в связи с расходом средств на организацию и содержание охотничьего хозяйства и допрашивать Бубнова (впоследствии было установлено, что А. А. Бубнов израсходовал на это охотничье хозяйство 304 тыс. рублей) [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 195. Л. 36, 40].

Примечательным было вмешательство Неганова в расследование дорожно-транспортного происшествия, участником которого стал автомобиль председателя Ленинградского горисполкома П. Г. Лазутина. 28 июля 1948 г. автомобиль, за рулем которого находился шофер А. И. Родионов, а в качестве пассажира ехал Лазутин, совершил наезд на слушателя артиллерийской академии Федотова, который погиб. Как показала проведенная сотрудниками милиции экспертиза, причиной наезда на пешехода стало грубое нарушение правил дорожного движения шофером Родионовым.

Несмотря на результаты экспертизы, расследование этого происшествия управлением городской милиции было прекращено. Впоследствии в дело вмешался прокурор по надзору за милицией Антонышев, по указанию которого против Родионова было возбуждено уголовное дело. Когда информация об этом дошла до председателя горисполкома Лазутина, он связался с Негановым. Прокурор города вызвал к себе Антонышева и в присутствии своего заместителя Прыткова обвинил того

в самоуправстве, заявив ему, что Лазутин — член бюро горкома и депутат Верховного совета, а он, Антонышев, — политически близорукий прокурор. По указанию Неганова была назначена повторная экспертиза. Но и она тоже подтвердила виновность шофера.

Дело Родионова подлежало рассмотрению в народном суде Ждановского района. Неганову удалось договориться, чтобы дело было передано в Ленинградский городской суд, и по его же указанию процесс проходил без участия прокурора. Неганов в телефонном разговоре с П. Г. Лазутиным в присутствии сотрудников прокуратуры Теребилова (будущий министр юстиции СССР и председатель Верховного суда СССР) и Бузанова обещал сделать все от него зависящее, чтобы суд вынес Родионову мягкий приговор. Обещание свое прокурор сдержал: постановлением судебной коллегии Ленинградского городского суда Родионов был приговорен к одному году исправительно-трудовых работ по месту работы. Только после смещения А. С. Неганова с должности по этому приговору прокуратурой был вынесен протест, и шофер, виновный в гибели пешехода, был приговорен к пяти годам лишения свободы [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 195. Л. 37—38, 41—42].

* * *

В настоящей статье рассмотрена лишь небольшая часть документов Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) с обвинениями руководителей Ленинграда и области 1940-х гг. в использовании служебного положения в личных целях. Тем не менее эти документы позволяют существенно дополнить портрет некоторых фигурантов «ленинградского дела» и показывают: коррупционные практики получили широкое распространение в ленинградских властных структурах, причинили ощутимый урон государственному бюджету, привели к снижению дисциплины. Вновь подтверждается вывод, что пресыщенная жизнь высшего ленинградского начальства, материальное обогащение за государственный счет на фоне ужасающей ленинградской повседневности могли стать дополнительным фактором в принятии решения о жестком наказании основных фигурантов «ленинградского дела».

Принятые сокращения

КБФ — Краснознаменный Балтийский флот.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Литература

1. **Болдовский К. А., Бранденбергер Д.** Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4.
2. **Никонорова Т. Н.** Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934—1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018.
3. **Сушков А. В.** «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018. ◆